Григорий ИВАКИН

Черносотенство и зарождение отечественного парламентаризма

Результатом трансформации политической системы в условиях сложившейся революционной обстановки в стране в 1905–1907 годах стало изменение государственного управления. Существовавшие до этого правовые институты функционировали исключительно с целью сохранения монархического, авторитарного режима. Провозглашение гражданских и политических прав и свобод 17 октября не имело продолжения в реальной практике властей [Зотова, 2006. С. 8].

Октябрьский манифест 1905 года заложил новую трехзвенную модель в системе государственного управления – разделение властей на исполнительную, судебную и законодательную ветви. Законодательная была представлена Государственной думой и Государственным советом. При этом следует отметить, что в России не было глубоких демократических традиций, и реальными участниками воплощения в жизнь правовых норм, заложенных «октябрьской конституцией», стали общественно-политические организации.

Как отмечает исследователь З.М. Зотова, «... первые политические партии в России появились лишь на рубеже 80–90 годов XIX века, то есть на 50 лет позже, чем на Западе. В начале XX века в России насчитывалось 280 партий, из которых около 60 можно было условно отнести к общероссийским, остальные – к региональным или национальным...» [Зотова, 2006. С. 8].

Процессы трансформации в начале XX века вызвали к жизни новые общественные силы и их объединения. И они становятся важными субъектами политического и избирательного процесса в начале XX века. В одну из таких серьезных сил превращается доктринально-авторитарное черносотенство. Доктринально-авторитарным оно являлось по социальной направленности, по идейным основаниям, методам выполнения программы, характеру действий, по месту в политическом спектре, организационной структуре и идеологической направленности, со всем тем набором установок, с которыми оно участвовало в избирательной кампании, и тем, как проявляло себя в законотворческом процессе.

На начальном этапе правоконсерваторы проявляли себя пассивно и, как следствие, были в меньшинстве в Думе. Сказалось отсутствие правового сознания, элементарных навыков участия в государственной жизни.

Совсем иными были позиции у правомонархистов в реформированном Государственном совете.

Одной из крупнейших фракций в Государственном совете была правая группа. Правое крыло оформилось в 1906 году и первоначально имело своей целью поддержку правительства и сопротивление Государственной думе. Особую роль в создании группы сыграл дворцовый комендант Д. Трепов, а также ряд правоконсервативных министров правительства [Демин, 2006. С. 147].

Из всех членов реформированного Совета было 139 правых, в том числе 101 член по назначению, 16 представителей земств, 15 избранников от дворянства, восемь от духовенства и три от землевладельцев [Демин, 2006. С. 147].

Члены группы осуждали реформы 1905–1906 годов и считали, что любое либеральное преобразование неизбежно повлечет за собой другие и, в конечном счете, традиционное авторитарное государство будет демонтировано, в то время как при либеральном режиме Россия как единая страна не сможет существовать. Николай Маклаков считал, что реформы 1905 года произошли из-за «отсутствия чувства собственного достоинства у носителей власти, угодничества... раболепства у иных перед так называемой общественностью, перед общественным мнением...» [Демин, 2006. С.147].

На повестке дня перед обеими палатами зарождавшегося парламента стояло немало проблем: аграрный вопрос, вероисповедный, национальных окраин, смертной казни, гражданского равенства, образования, здравоохранения, содержание тюрем и так далее.

Работа осложнялась тем обстоятельством, что представители консервативного течения верхней палаты смотрели на Государственную думу как на неизбежное зло, появившееся в политической жизни России в результате революционных событий 1905 года, как на следствие проявленной правительством слабости.

Исполнительная власть, поняв с самого начала бесплодность поиска путей совместной работы с Думой, из-

Григорий Ивакин, кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, Проспект Вернадского, 82). E-mail: ivakin@rane.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность черносотенцев в период формирования российского парламентаризма в начале XX века. Автором анализируется деятельность депутатов правомонархистов в Первой Государственной думе Российской империи, освещается позиция черносотенства в отношении социально-политических реформ, последовавших после революции 1905–1907 годов. Делается вывод о двойственности взглядов представителей черносотенства на народное представительство и участие в работе парламента. Автором впервые вводятся в научный оборот новые источники.

Ключевые слова: черносотенцы, Первая Государственная дума, Государственный совет, отечественный парламентаризм, правый консерватизм.

брала тактику не сотрудничать с Думой, не вступать с ней в борьбу и бойкотировать ее деятельность. И. Л. Горемыкин, по воспоминаниям А. П. Извольского, «рассматривал Думу как собрание беспокойных лиц, действия которой не имеют никакой значимости» [Малышева, 2001. С. 80].

Неприятие идеи народного представительства объяснялось и тем обстоятельством, что большинство членов Государственного совета состояло из представителей консервативной бюрократии: главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский, обер-прокурор Синода А. А. Ширинский-Шихматов, государственный контролер П. Х. Шванебах, министр путей сообщения Н. К. Шауфус, министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр народного просвещения П. М. Кауфман и др. – «все они были не связаны общими интересами, ни общей программой, если исключить их антипатию к новому порядку вещей...» [Малышева, 2001. С. 78].

Сам же председатель Совмина И.Л. Горемыкин, как истинный правоконсерватор, занимался поиском возможных вариантов изменения состава Государственной думы в нужном для правительства русле.

Работа I Государственной думы, как известно, началась с обсуждения ответного адреса императору. Далее депутаты приступили к рассмотрению практических вопросов и в первую очередь – земельного.

Можно согласиться с мнением исследователя С.Г. Томсинского о том, что земельный проект кадетов представлял собой попытку сделки с теми интересами, с теми силами старого строя, которые уступки не хотят. Это повторение реформы 1861 года. «Сейчас пожар, – говорил кадет М.Я. Герценштейн, возражая представителям правительства и проправительственному духовенству, – его надо тушить, а потушить его можно только увеличением площади землепользования» [Томсинский, 1924. С. 33–34].

П. Н. Милюков в 1917 году писал в «Былом»: «Если бы правые были сознательными, а не дикими зверями, то они бы поняли, что за М. Я. Герценштейна надо было схватиться обеими руками, что он указал им путь спасения от иллюминаций» [Томсинский, 1924. С. 34].

Взгляды же консервативной части духовного представительства отстаивал монархист П. Ф. Воздвиженский, но после проверки соответствующим отделом Государственной думы правильности выборов депутатов, оказалось, что выборы П. Ф. Воздвиженского проходили с нарушениями, и он был лишен депутатского мандата. Правые в его лице потеряли надежного сторонника. На заседании 1 июня 1906 года он говорил: «Услышал радостную весть... о наделении (крестьянина – *Г. И.*) землей в достаточном количестве и уравнении его в правах с прочими классами...», «...бедных крестьян вместе с землей нужно наделять деньгами...», можно разделить для этих целей «...всю церковную землю... если придет надобность неотложная в ней для бедных крестьян, я думаю, что никто из нашей братии не постоит за нее, по долгу совести...», только «нужно заплатить и внести в банк на обеспечение духовенства» [Государственная дума. Стенографические отчеты..., 1906. С. 876–877] определенную сумму за эту самую землю. Священник П. Ф. Воздвиженский в своей речи ратовал за безвозмездную передачу земли крестьянам, а на самом деле предусматривал ее выкуп за определенную сумму, тем самым выставляя наружу меркантильные интересы консервативного блока представителей духовенства.

Кадеты и монархисты в своих проектах, кроме явных потребностей крестьян, осознанно думали об их повинностях. Но ведь повинности должны покрываться, а значит, крестьянин должен был иметь что-то, за счет чего он их будет покрывать. И этому должна была служить не только земля, но и «прочие промысловые доходы». В соответствии с этими проектами земли должно было бы даваться меньше, если бы у крестьянина были промысловые доходы. А так как в действительности почти каждый второй житель деревни отправлялся на промыслы, то, как предполагали авторы законопроектов, нужны были бы ограничения крестьянского землепользования.

По их мысли, земля, которой наделялся бы крестьянин, должна удерживать его на месте, на деле прикреплять его, и таким образом, крестьянин уже будет постоянным работником помещика или фабрично-заводского предприятия. В этом и состоял возврат к реформе 1861 года. Теперь фабриканты не должны были остаться без рабочих рук. Этот проект, который поддерживали священники, заботился о крестьянах, так как им нужно было создать из крестьян исполнителей повинностей и рабочих. Таким образом, законопроекты по аграрному вопросу, поддерживаемые духовенством Русской православной церкви в Государственной думе, имели один единственный стержень, по словам о. В.И. Гумы, «то, что на земле (есть – *Г. И.*) много имеющие и мало имеющие, не противоречит евангельскому учению» [Биографии Г.г. членов Государственной Думы, 1906. С. 7].

Законодательное предложение о гражданском равенстве предполагало отмену ограничений для женщин в области образования, позволило бы церкви увеличить количество церковно-приходских школ, выделяемых сумм по смете Священного синода, значительно расширить социальную базу.

По воспоминанию протоиерея Иоанна Восторгова, Первая Государственная дума продемонстрировала свое отношение к данной проблеме очень быстро.

«На молебне, который состоялся перед открытием думских занятий, большинство членов не пожелало присутствовать; многие стояли спиной к совершителям богослужения; некоторые смеялись, громко разговаривали и даже курили; некоторые члены Думы резко осуждали самое служение молебна, «навязанное правительством», «стесняющее их религиозную совесть». Затем совершенно сознательно Дума не внесла в ответный адрес на правительственное слово Николая II «призыв Божьего небесного благословения на царя и царство и даже простого упоминания имени Божия» [Доронская, 2001. С. 76].

Первая Государственная дума не успела обсудить вопрос о свободе совести из-за ее быстрого роспуска.

В Государственном совете (верхней палате парламен-

та) особенностью правой группы было то, что она не отличалась большой самостоятельностью и часто голосовала по указке царя. В то же время правые Государственного совета после 1906 года не ставили своей целью безоговорочную поддержку правительства, они нередко выступали против его реформаторских предложений.

Главным принципом во всей законодательной работе в Государственном совете было «охранять непоколебимость верховной самодержавной власти». Они считали царя по-прежнему неограниченным монархом [Демин, 2006. С. 155].

Манифест о роспуске Первой Государственной думы был подготовлен непосредственно П.А. Столыпиным. Император его поддержал: «Роспуск Государственной думы ... не может быть более отсрочиваем... иначе Бог знает, что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту, неповиновения властям..., вырвать власть из рук правительства... и захватить в свои руки, чтобы затем тотчас же лишить меня всякой власти...» [Малышева, 2001. С. 88].

Вопреки предположениям правительства, роспуск Думы не сопровождался сколь-нибудь серьезными беспорядками. Отдельные демонстрации были быстро ликвидированы полицией [Малышева, 2001. С. 90]. 9 июля 1906 года Первая Государственная дума, просуществовав всего 72 дня, была распущена. Очевидно, что ответственность за работу Думы лежит в равной степени и на правительстве, и на «верхней палате».

Правительство было недовольно Думой, не понравились ему оппозиционные речи народных представителей, чрезмерными казались все требования Думы. Она добивалась амнистии для всех борцов за свободу; в ответ на тронную речь царя перечислила многие народные требования о земле, о воле; министрам же, которые заявили, что ни одно из народных желаний не будет исполнено, Дума выразила недоверие – не пожелала с ними работать. Дума также раскрыла темные дела министров и других высших чиновников, и крестьянские депутаты (в их числе были и священники – *Г. И.*) назвали их палачами и погромщиками. Дума обсуждала законы о наделении крестьян землей, об уравнении в правах сословий иноверцев и женщин, о свободах; также Дума постановила отмену смертной казни [Ольгович, 1906. С. 3]. Именно часть этих незавершенных законодательных предложений и перешла впоследствии для обсуждения и решения во II Государственную думу.

В целом, отношение к Государственной думе в этот период со стороны правоконсервативных организаций было неоднозначным, так как в Думу прошли кандидаты в депутаты в основном от левых и либералов, а правые были в меньшинстве.

В 1906 году Центральный Всероссийский патриотический комитет, обращаясь в своем «Воззвании» к русскому народу, писал: «...В Государственный совет и Думу попали в большинстве не русские патриоты, а враги России ... негодяи...» [Государственный архив...].

Настроения правоконсервативной части не совпадали с общественными настроениями в целом. Общество ждало перемен. Перемены в лозунгах крайне правых отсутствовали, они все время призывали то к бойкоту, то вяло участвовали в прениях. Печатные органы распространяли листовки с призывом то отмены народного представительства, то роспуска «крамольной» Думы. Из-за этого черносотенцы оказывались постепенно в изоляции от общества и веяний времени, пытались навязать стране старозаветные порядки пропагандой в духе консервативной уваровской триады.

Представляет значение то обстоятельство, что налицо был не только конфликт между властью и Думой, но и раскол самой власти изнутри. Если премьер-министр Горемыкин взял курс на разгон Думы и пересмотр избирательного закона с подачи консерваторов, то либеральное крыло его кабинета – министры внутренних дел, иностранных дел и финансов – были с ним не согласны.

После долгих колебаний царь уступил доводам Горемыкина, но далеко не во всем. Он отправил премьера в отставку и не пошел на поиск согласия с Думой. Не решился и на изменение избирательного законодательства [Смирнов, 1998. С. 258].

Учитывая разветвленную сеть черносотенных организаций и немалое количество сторонников, типографий, печатных изданий, правоконсерваторы все больше отставали от темпов политических изменений, все больше оказывались изолированными от общества и его истинных интересов и надежд, не помогали нивелировать конфликт «верхов», а напротив, работали на противопоставление. Критикуя правительство, всю структуру исполнительной власти и народного представительства, они призывали к «заветам отцов». Все это формировало негативный образ полноты власти в целом, включая и императора. Несмотря на то, что они позиционировали себя как сторонники монарха, сами же действия монарха ими (не напрямую, а косвенно – сквозь призму деятельности институтов исполнительной и законодательной власти) подвергались тотальной критике.

Вся деятельность правых, от избирательных кампаний и до работы в Думе и Государственном совете, наглядно показывает, что они не боролись с революцией и радикальными силами, а боролись с действиями власти.

Согласно ленинской концепции, в революционной ситуации образуются разрывы, из которых прорывается пламя народного гнева. Роспуск Думы и Выборгское воззвание сослужили Ленину хорошую службу, поскольку проявился еще один аргумент в пользу радикальной тактики. «Теперь не какие-нибудь «узкие и фанатичные» «большевики», а самые мирные легалисты-либералы, – писал Ленин в своей брошюре «Роспуск думы и задачи пролетариата», – признали... этот иллюзорный характер российской конституции» [Смирнов, 1998. С. 258].

Парадокс заключается в том, что и правоконсерваторам такое отношение к российской «конституции» было на руку. Они писали, что оправдалась их тактика, Дума распущена, и неистово ратовали за уваровскую триаду.

Черносотенцы, призывавшие к защите самодержавного строя, способствовали его падению. Отсутствовал трезвый реализм, но прослеживалась явная неспособ-

ность быстро оценивать изменяющуюся политическую ситуацию, оперативно корректировать свою тактику и стратегию. Дума была распущена, и это была не победа правоконсерваторов и их идеологии, а поражение и залог будущего падения самодержавного строя в России, глобальной трансформации политической идеологии и государственного строя страны.

В целом деятельность правомонархистов в первой Думе, учитывая малочисленный их состав, можно охарактеризовать как формально-консервативную. Говорить о самостоятельной роли этих людей не приходится, но сам факт участия, первого опыта открытой политической оратории с думской трибуны первого парламентского учреждения России значим. Депутаты активно участвовали в обсуждении наиболее важных вопросов, открыто выражали свои политические убеждения, пытались вести диалог. Главную задачу в полемике они выполнили, дискредитировав деятельность депутатского корпуса в глазах императорской власти.

По меткому замечанию исследователя А.Ф. Смирнова, «...в целом Дума потеряла чувство реальности и пыталась, используя революционный фактор, немедленно ввести парламентский строй, взять в свои руки всю полноту власти. «Она стала на почву нового права, называемого на простонародном языке – захватным правом». Раздутое самолюбие «демократов»... не уступает, а зачастую превышает монаршее... за 70 дней трудов и борьбы Первая дума сделала немало. Она и погибла в борьбе, сгорев как факел...» [Смирнов, 1998. С. 238].

Таким образом, в рассматриваемый период российские правомонархисты так до конца и не определились в своей позиции по отношению к народному представительству, что сказалось как на их участии в выборах в первую Государственную думу, так и на их деятельности в стенах Таврического дворца.

Литература

Биографии Г.г. членов Государственной думы. СПб., 1906.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102.00. Оп. 1905. Д. 13, ч.7. Л. 113.

Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Заседание 12. СПб.,1906.

Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв I. СПб.,1906.

Демин В.А. Верхняя палата Российской империи 1906-1917 гг. М., 2006.

Доронская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001.

Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. М., 2006.

Краткие биографии членов Государственной думы. СПб., 1906.

Малышева О.Г. Думская монархия. Рождение, становление, крах. Ч.1. М., 2001.

Ольгович (Волькенштейн О.А.). Кого и как выбирать во вторую Государственную думу. М., 1906.

Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. 1906-1917: Историко-правовой очерк. М., 1998.

Томсинский С. Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. Ростов н/Д. 1924.

THE BLACK HUNDREDS AND THE EMERGENCE OF DOMESTIC PARLIAMENTARISM

Grigory Ivakin, Candidate (History), associate professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (119571, Moscow, Vernadskogo Prospekt, 82). E-mail: ivakin@rane.ru

Summary: The article deals with the activities of the Black Hundreds in the formative period of Russian parliamentarism in the early XX century. The author analyzes the activities of the pravomonarhistov deputies in the First State Duma of the Russian Empire and highlights the position of the Black Hundreds on socio-political reforms, following the Revolution of 1905-1907. The author concludes in the duality of views of representatives of the Black Hundreds with respect to popular representation and participation in the work of the Parliament. The author introduces new sources of scientific study which has recently become available and in circulation.

Keywords: the Black Hundreds, the First State Duma, the State Council, domestic parliamentarism, right wing conservatism.

References

Biografii G.g. chlenov Gosudarstvennoj dumy [Biographies The members of the State Duma]. SPb., 1906.

Demin V.A. Verhnjaja palata Rossijskoj imperii 1906-1917[Upper Chamber of the Russian Empire 1906-1917]. M., 2006.

Doronskaja A.A. Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoproektov nachala HH veka [Freedom of Conscience in Russia: the fate of legislation in the early twentieth century]. SPb., 2001.

Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii[State Archive of the Russian Federation]. F. 102.00. Op. 1905. D. 13, ch.7. L.113.

Gosudarstvennaja duma [State Duma. Verbatim records]. Stenograficheskie otchety. Sozyv I. Sessija I. Zasedanie 12. SPb.,1906.

Gosudarstvennaja duma. Ukazatel' k stenograficheskim otchetam. Sozyv I. SPb.,1906.

Kratkie biografii chlenov Gosudarstvennoj dumy [Brief biographies of the members of the State Duma]. SPb., 1906.

Malysheva O.G. Dumskaja monarhija. Rozhdenie, stanovlenie, krah [Duma monarchy. Birth, formation, collapse]. Ch.1. M., 2001.

Ol'govich (Vol'kenshtejn O.A.). Kogo i kak vybirat' vo vtoruju Gosudarstvennuju dumu [How and who to choose in the second Duma]. M., 1906.

Smirnov A.F. Gosudarstvennaja duma Rossijskoj imperii. 1906-1917: Istoriko-pravovoj ocherk [The State Duma of the Russian Empire. 1906-1917: Historical and legal description]. M., 1998.

Tomsinskij S.G. Bor'ba klassov i partij v pervoj Gosudarstvennoj dume [Struggle of classes and parties in the first State Duma]. Rostov n/D, 1924.

Zotova Z.M. 100 let rossijskoj mnogopartijnosti [100 years of Russian multiparty system]. M., 2006.